

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.16002

EDN: BUHMYP

Гимнастика в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого и «Бесах» Ф. М. Достоевского: тело, движение, упражнение

М. Н. Волвенкин

*Воронежский государственный университет
Воронежский государственный лесотехнический университет
им. Г. Ф. Морозова
(г. Воронеж, Российская Федерация)*

e-mail: mvolvenkin@mail.ru

Аннотация. В русской литературе второй половины XIX в. в связи с ростом популярности гимнастики в обществе и распространением гимнастического дискурса нередко встречаются герои-гимнасты. Одним из них является герой «Бесов» Ф. М. Достоевского — Кириллов, гимнастические экзерциции которого на первый взгляд противоречат логике его суждений. Статья посвящена анализу этой телесной практики в романе, основанном на сопоставлении образа Кириллова с Левиным — пожалуй, самым известным героем в русской классической литературе, увлеченным гимнастикой. Между этими героями кроме самой гимнастики существуют еще две важнейшие точки пересечения, позволяющие выделить и разграничить их модели, — это нарушения в речи и тесно связанные с ними суицидальные мысли. Модель гимнаста-Левина можно представить в виде оппозиции полей жизни и смерти, видимыми проявлениями которых являются, соответственно, тело и речь. При этом телесная деятельность соотносится с порядком, а речь — с хаосом. В «Бесах» создается иллюзия такой оппозиции, но за ней просматривается совершенно иная логика. Тело и речь в модели гимнаста-Кириллова связаны миметически. Главным атрибутом гимнастических занятий этого героя является мяч, необходимый для «укрепления спины». Однако эта необходимость не имеет никакого отношения к телу: ее исток находится в гордыне героя. Кроме того, возникающая в тексте ассоциация между мячом и планетой позволяет интерпретировать гимнастические упражнения Кириллова как проекцию роли Бога. В финале статьи подчеркнута взаимосвязь обеих моделей со спецификой «нового проекта» гимнастики.

Ключевые слова: гимнастика, тело, речь, мимесис, действие, хаос, порядок, упражнение, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 24-18-00762 «Классики русской литературы второй половины XIX века: биографические "пересечения", критическая рецепция и интертекстуальные связи», <https://rscf.ru/project/24-18-00762/> ИРЛИ РАН).

Для цитирования: Волвенкин М. Н. Гимнастика в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого и «Бесах» Ф. М. Достоевского: тело, движение, упражнение // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 4. С. 265–281. DOI: 10.15393/j9.art.2025.16002. EDN: BUHMYP

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.16002

EDN: BUHMYP

Gymnastics in “Anna Karenina” by L. N. Tolstoy and “Demons” by F. M. Dostoevsky: Body, Movement, Exercise

Mikhail N. Volvenkin

Voronezh State University

*Voronezh State Forest Engineering University Named After G. F. Morozov
(Voronezh, Russian Federation)*

e-mail: mvolvenkin@mail.ru

Abstract. With the growing popularity of gymnastics in society and the spread of gymnastic discourse, gymnast heroes characters frequently appear in Russian literature of the second half of the 19th century. One of them is Kirillov, the protagonist of Fyodor Dostoevsky’s “Demons,” whose gymnastic exercises at first glance seem to contradict the logic of his thinking. The article is devoted to the analysis of this bodily practice in the novel and based on the comparison of Kirillov with Levin, perhaps the most famous character in Russian classical literature who is passionate about gymnastics. Besides gymnastics itself, two other key junctions exist between these characters, which allow us to identify and differentiate their models: speech disorders and suicidal ideation, which is closely related to the former. Levin’s model of the gymnast can be considered an opposition between the spheres of life and death, whose visible manifestations are the body and speech, respectively. In this context, bodily activity is associated with order, and speech — with chaos. In “Demons,” the illusion of such an opposition is created, but a completely different logic is discernible behind it. Body and speech are mimetically linked in the Kirillov-style gymnast. The main attribute of this character’s gymnastics is a ball, required for “strengthening the back.” However, this need has nothing to do with the body: it stems from pride. Furthermore, the association between the ball and the “planet” that emerges in the text allows Kirillov’s gymnastic exercises to be interpreted as a projection of the role of God. The article concludes by emphasizing the connection between both models and the specific nature of the “new project” of gymnastics.

Keywords: gymnastics, body, speech, mimesis, action, chaos, order, exercise, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 24-18-00762, <https://rscf.ru/project/24-18-00762/> The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences).

For citation: Volvenkin M. N. Gymnastics in “Anna Karenina” by L. N. Tolstoy and “Demons” by F. M. Dostoevsky: Body, Movement, Exercise. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2025, vol. 23, no. 4, pp. 265–281. DOI: 10.15393/j9.art.2025.16002. EDN: BUHMYP (In Russ.)

Гимнастика как особая телесная практика берет истоки еще в Античности. Однако с конца XVIII и почти весь XIX в. она получает новое теоретическое наполнение. Многие виды гимнастических упражнений остаются в культурной памяти, однако сам взгляд на тело заметно меняется. Основной чертой «нового проекта» гимнастики становится пристальное внимание к движению: врачи в многочисленных гимнастических пособиях и специальных исследованиях концентрируются на анализе механики тела [Вигарелло, Холт]. В течение XIX в. в Европе наблюдался рост интереса к этой телесной практике, что нашло свое отражение, в частности, в художественной литературе¹.

В «Бесах» Ф. М. Достоевского среди немногочисленных занятий, которым Кириллов уделяет свое время и внимание, особое место занимает гимнастика. Впрочем, в романе есть всего два упоминания об этом. Первое (косвенное) появляется после того, как Николай Всеволодович, явившийся к Кириллову с просьбой быть секундантом, случайно застает его за игрой в мяч с полуторагодовалой девочкой: последний поясняет, что мяч привезен им из Гамбурга и нужен для «укрепления спины». В другой раз уже Петр Степанович, пришедший напомнить Кириллову об обещании, становится случайным свидетелем его гимнастических экзерциций. При этом какие-либо черты во внешнем облике героя, в его поведении не позволяют предположить в нем склонности к регулярному выполнению физических упражнений. Судя по всему, в некотором удивлении находится и сам Верховенский:

¹ О гимнастическом дискурсе в русской литературе XIX в. см.: [Волвенкин].

«— Вы, однако ж, о здоровье своем сильно заботитесь, — проговорил он громко и весело, входя в комнату; — какой славный, однако же, мяч, фу, как отскакивает; он тоже для гимнастики?» [Достоевский; т. 10: 319].

Верховенский же подсказывает одну из возможных трактовок вышеуказанной черты Кириллова: он потому занимается гимнастикой, что не принял еще решение лишить себя жизни. Гимнастика, по этой логике, подчеркивает в нем стремление укрепить здоровье, которое явно не согласуется с мыслью о самоубийстве. Впрочем, на внутреннюю противоречивость героя, хотя и проявляющуюся уже в другом плане, указывает и Ставрогин, заметивший в комнате у Кириллова горящую лампадку:

«— Бьюсь об заклад, что когда я опять приду, то вы уж и в Бога уверуете...» [Достоевский; т. 10: 207].

Действия Кириллова в обоих случаях не согласуются с его идеями, они раскрывают их противоречия.

А. Камю в «Мифе о Сизифе» (1942) также обращает внимание на человеческое в этом стремящемся занять место Бога герое:

«Важно прежде всего отметить, что человек, выступающий со столь безумными притязаниями, вполне от мира сего. *Каждое утро он занимается гимнастикой, поддерживая здоровье.* Он радуется, что к Шатову вернулась жена. На листке, который найдут после его смерти, ему хочется нарисовать "рожу с высунутым языком". Он ребячлив и гневлив, страстен, методичен и чувствителен. *От сверхчеловека у него только логика, только навязчивая идея; от человека — весь остальной набор чувств*» (курсив наш. — М. В.)².

С точки зрения философа-экзистенциалиста, это расхождение между логикой рассуждения и поведением Кириллова не раскрывает его безумие, а наталкивает на иное понимание его притязаний. Это абсурдный герой, который не стремится в буквальном смысле стать Богом, а постулирует отсутствие метафизики в мире и одновременно наличие в человеке своеволия.

² Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. И. Я. Волевич и др. М.: Политиздат, 1990. С. 82–83. (Сер.: Мыслители XX века.)

И все же эти рассуждения не избавляют от некоторых принципиальных вопросов. Во-первых, противоречивость Кириллова осознается только со стороны. Когда Ставрогин и Верховенский приходят к нему, они обращают внимание и даже указывают на «несвойственное» герою поведение. Однако Кириллов, претендующий на роль «человекобога» и застигнутый за вполне человеческими занятиями, нисколько не теряется и даже, как отмечает хроникер, не удивляется:

«— Ставрогин? — сказал Кириллов, приподымаясь с полу с мячом в руках, без малейшего удивления к неожиданному визиту, — хотите чаю?» [Достоевский; т. 10: 202].

Без особого смущения (только с недоброжелательностью, которая связана не с ситуацией, а с отношением к вошедшему) он реагирует на процитированную выше реплику Верховенского, «с минуту» наблюдавшего за его действиями:

«Кириллов надел сюртук.

— Да, тоже для здоровья, — пробормотал он сухо, — садитесь» [Достоевский; т. 10: 319].

Во-вторых, Достоевский наделяет Кириллова таким гимнастическим атрибутом, как мяч. Нужно отметить, что он совершенно не типичен для самых распространенных гимнастических систем XIX в.: французской (военной, «практической»), немецкой (педагогической) и шведской (врачебной). Этот предмет не только объединяет рассматриваемые нами эпизоды, но благодаря ему открывается ретроспектива: упражнения вошли в жизнь героя во время его пребывания за границей. Однако гимнаст с мячом — совершенно нетипичный образ для XIX в. Гимнастика в этом столетии переживает этап обновления, развиваются новые методы и подходы, но даже в тех гимнастических системах, где «свободные движения» оттеснены на периферию, а упражнения с использованием различных вспомогательных средств (напр., брусья, горизонтальный шест, балансовая мачта, различные виды лестниц, поперечная перекладина, гимнастический козел и гимнастический конь, железная гирия и т. д.) составляют их основу, мяч практически не используется. Он имеет место в играх, но сами игры не являются главным инструментом в физическом воспитании, как

оно понималось в рамках гимнастики, а являются некоторым его дополнением³.

Кириллов оказывается гимнастом неожиданно для читателя и других героев. Левин же при первом появлении на страницах «Анны Карениной» охарактеризован Облонским так:

«— Ах да, позвольте вас познакомиться, — сказал он. — Мои товарищи: Филипп Иванович Никитин, Михаил Станиславич Гриневич, — и обратившись к Левину: — земский деятель, новый, земский человек, *гимнаст, поднимающий одною рукой пять пудов*, скотовод и охотник и мой друг, Константин Дмитрич Левин, брат Сергея Ивановича Кознышева» (курсив наш. — М. В.) [Толстой; т. 18: 21].

Кроме того, в этом представлении содержится указание на распространенный гимнастический атрибут — позволяющие развивать силу рук две пудовые гири, которые стоят в его кабинете. Заметим, что упражнения с гирями (хотя и не только с ними) дают результат, что отражается в теле Левина. Например, на обеде у Облонского он демонстрирует гостям свой бицепс:

«Левин улыбнулся, напрянул руку, и под пальцами Степана Аркадьича, *как круглый сыр, поднялся стальной бугор* из-под тонкого сукна сюртука» (курсив наш. — М. В.) [Толстой; т. 18: 404].

Помимо самих гимнастических упражнений, пусть и разных, выполняемых для здоровья — «укрепления спины» и развития силы, между героями есть еще две точки пересечения, тесно связанные с их увлечением гимнастикой и представляющие собой своеобразный смысловой комплекс.

Левин, вбежавший в одно из московских присутствий, в соматическом плане разительно выделяется на фоне остальных посетителей этого учреждения. Его внимание «поглощают», даже вызывают ненависть руки Гриневича, «с такими белыми длинными пальцами, с такими длинными, желтыми, загигавшимися в конце ногтями и такими огромными блестящими

³ Подробнее о европейских гимнастических системах, а также о преподавании гимнастики в Европе второй половины XIX в. можно узнать в обширном научном отчете русского ученого и педагога П. Ф. Лесгафта «Приготовление учителей гимнастики в государствах Западной Европы (извлечения)». См.: Лесгафт П. Ф. Собрание педагогических сочинений. М.: Физкультура и спорт, 1953. Т. 4. С. 107–197.

запонками на рубашке» [Толстой; т. 18: 21], а сам он привлекает внимание, судя по репликам Облонского, своими мускулами и свежестью, «как у двенадцатилетней девочки» [Толстой; т. 18: 23].

Кроме того, специфичной оказывается речь героя. На вопрос о причинах прекращения своего участия в земской деятельности Левин начинает отвечать:

«— Длинная история. Я расскажу когда-нибудь, — сказал Левин, но сейчас же стал рассказывать. — Ну, коротко сказать, я убедился, что никакой земской деятельности нет и быть не может...» [Толстой; т. 18: 21].

Примечательно здесь не только нарушение логики высказывания, которое должно состояться не сейчас, а «когда-нибудь», но и эмоциональная окраска: он говорит так, «как будто кто-то сейчас обидел его», «как будто кто-нибудь из присутствующих оспаривал его мнение» [Толстой; т. 18: 21, 22]. Эта речевая особенность еще отчетливее проявляется, например, в его споре с Кознышевым о «земском деле»: Левин сначала неохотно высказывает свои взгляды на пользу школ, медицинских пунктов и аптек для крестьян, но под влиянием настойчивых доводов брата постепенно «горячится» и об общей философской истине — личном счастье как двигателе всех человеческих действий — говорит так, «как будто прорвало плотину его слов», постоянно перескакивая при этом в своем рассуждении «к совершенно нейдущему к делу» [Толстой; т. 18: 260, 261].

Итак, слова Левина в этих примерах вдруг выходят из-под контроля, стихийно стремясь соответствовать хаотичному движению мысли, нарушают логический порядок высказывания, следствием чего является непонимание. Заметим, что они не только не выражают мысли, но и не передают ощущения:

«Константин Левин не любил говорить и слушать про красоту природы. Слова снимали для него красоту с того, что он видел» [Толстой; т. 18: 255].

Похожие затруднения — несоответствие слова и мысли — испытывал и сам Л. Н. Толстой на раннем этапе своего творческого пути, о чем писал еще Б. М. Эйхенбаум в работе «Молодой Толстой» (1922) [Эйхенбаум: 58–60].

О. Сливацкая в книге «"Истина в движении". О человеке в мире Л. Толстого» приводит интересное наблюдение: «Портрета у Левина нет — ни экспозиционного, ни лейтмотивного. Существует лишь некоторое общее впечатление от него: он сильный, мужественный, умный, застенчивый, некрасивый, — в собственных глазах, а в глазах других, по-своему привлекательный. Внутреннее у Левина — и это доминанта его личности — духовные поиски, носящие, как и у Толстого, самый общий и тем самым жгуче личный характер». Если оно верно, то причина рассматриваемой нами выше речевой особенности Левина кроется в находящейся «в глубинах его смятенного сознания» [Сливацкая: 415] авторской точке зрения, с которой он виден читателю: авторская интенция приводит здесь к дисгармонии внутреннего и внешнего, проявляющейся в невозможности адекватного выражения мысли словами.

И все же Левин присутствует в пространстве романа не только как «смятенное сознание», но и как тело. Более того, оно не просто производит некоторое «впечатление», но проявляется рельефно. Мускулы Левина, а вместе с ними его быстрые и легкие движения отчетливо видны со стороны и являются его яркой индивидуальной чертой. С одной стороны, порой нелогичная речь, а с другой — структурированное тело.

Похожей речевой особенностью обладает и Кириллов. Уже при первом описании этого героя ей уделяется значительное внимание:

«Он казался несколько задумчивым и рассеянным, говорил отрывисто и как-то не грамматически, как-то странно переставлял слова и путался, если приходилось составить фразу подлиннее» [Достоевский; т. 10: 80].

Его речь тоже временами теряет структуру, но выражается это иначе: если у Левина слова словно выходят из-под контроля в стремлении «догнать» мысль, то у Кириллова они скорее распадаются, он не может совладать с ними, но в другом плане — ему иной раз тяжело словно из пустоты нащупать мысль. Так же тяжело понять мысль другого. Например, рассуждение Николая Всеволодовича о самоубийстве как способе избавиться от стыда и позора, проиллюстрированное им примером с осуждением

жителями Луны человека, совершившего там «смешные пакости» и переселившегося на планету, вызывает у Кириллова совершенное непонимание:

«— Не знаю, — ответил Кириллов, — я на луне не был, — прибавил он без всякой иронии, единственно для обозначения факта» [Достоевский; т. 10: 205].

Слова Верховенского сводятся до прямого значения, что лишает их всякого смысла.

Однако если в случае с Левиным наблюдается оппозиция беспорядочной речи и упорядоченного тела, то в случае с Кирилловым — только иллюзия оппозиции. Последний, несмотря на занятия гимнастикой, соматически почти никак не выделяется среди других героев «Бесов». Более того, в его образе жизни практически отсутствует всякое движение: он редко покидает комнату, в которой он «живет и пьет чай» [Достоевский; т. 10: 201], размышляя о своей «большой идее». Если Левин тяжело переносит бездействие, то для Кириллова нет никакой проблемы пролежать на полу четыре месяца.

Еще одна точка пересечения — мысли о самоубийстве. Конечно, их логика у Левина и Кириллова кардинально отличается. Но здесь нас интересует само их наличие, а также связь с особенностями речи героев и гимнастикой. Вид тяжело больного брата сводит для Левина все к «одному концу»:

«Я работаю, я хочу сделать что-то, а я и забыл, что всё кончится, что — смерть» [Толстой; т. 18: 368].

Теперь все его и без того нелегкие поиски сталкиваются с проблемой бренности человека, становясь и вовсе мучительными, доводя героя до отчаяния и близости к самоубийству. Однако заметим, что эта проблема все-таки занимает Левина практически с самого начала романа. Приехав в Москву, чтобы сделать предложение Кити, он останавливается у Кознышева и случайно становится свидетелем разговора брата с «известным профессором философии» о границе между психическими и физиологическими явлениями в деятельности человека. Левин прерывает этот диалог самым главным, как ему кажется, вопросом:

«Стало быть, если чувства мои уничтожены, если тело мое умрет, существования никакого уж не может быть?» [Толстой; т. 18: 28].

Сама идея смерти для Левина травматична, она полностью разрушает стройный порядок его физической деятельности. Мысль о самоубийстве словно продолжает логику периодически теряющей контроль речи Левина. Можно сказать, что они соотносятся друг с другом как центр и периферия. Это отчасти напоминает размышления Ж. Лакана и С. Жижека о «символическом порядке», уничтожающем живое: «...смерть сама по себе представляет собой символический порядок, структуру, которая, подобно паразиту, подчиняет себе живое существо» [Жижек: 163]. Только у Толстого «символический порядок» скорее является «символическим хаосом».

После отказа Кити и встречи с братом Николаем Левин поднимает гири, чтобы «привести себя в состояние бодрости». По окончании спора с Кознышевым о личном счастье как двигателе всех человеческих действий он, чувствуя необходимость в физическом движении, идет косить луг. И, наконец, боясь совершить суицид, только больше занимается делами в деревне. Тело в этих случаях всегда работает как противовес. Когда мысли и рассуждения заводят Левина в тупик, тело его спасает:

«Чем долее Левин косил, тем чаще и чаще он чувствовал минуты забытья, при котором уже не руки махали косой, а сама коса двигала за собой всё сознающее себя, полное жизни тело, и, как бы по волшебству, без мысли о ней, работа правильная и отчетливая делалась сама собой» (курсив наш. — М. В.) [Толстой; т. 18: 267];

«Когда Левин думал о том, что он такое и для чего он живет, он не находил ответа и приходил в отчаянье; но когда он переставал спрашивать себя об этом, он как будто знал и что он такое и для чего он живет, потому что твердо и определенно действовал и жил; даже в это последнее время он гораздо тверже и определеннее жил, чем прежде» (курсив наш. — М. В.) [Толстой; т. 19: 371].

Как бы это ни было парадоксально, тело подвержено разрушению, но оно не знает хаоса смерти и даже обладает способностью восстанавливать порядок жизни. Здесь уместно вспомнить, как относятся к смерти и телесным страданиям

«простые» герои произведений Толстого. К примеру, в рассказе «Севастополь в декабре месяце» (1855) один из солдат, лишившийся ноги в бою, поведав о пережитом, заключает:

«Оно первое дело, ваше благородие, *не думать много*: как не думаешь, оно тебе и ничего. Всё больше оттого, что думает человек» [Толстой; т. 4: 7].

Таким образом, модель Левина-гимнаста можно представить в виде двух полей, находящихся в оппозиции друг к другу. В центре одного из них находится смерть как высшее проявление хаоса, чуть дальше от ядра — мысли, еще дальше — речь. В центре второго поля находится жизнь как высшее проявление порядка, затем — «движение» и тело.

Как известно, самоубийство является важнейшим положением «большой идеи» Кириллова. Р. Жирар в книге «Ложь романтизма и правда романа» (1961), рассматривая логику поведения этого героя в рамках концепции «миметического» или «треугольного» желания, заметил: «Кириллов одержим фигурой Христа. В комнате у него — икона, перед ней горят свечи. Для *осознающего* Верховенского Кириллов "верует пуще чем поп". Он делает из Христа Медиатора — только не в христианском, а в прометеевском, романтическом смысле слова. Именно Христу подражает в своей гордыне Кириллов. Чтобы положить конец христианству, его смерть должна быть сходна с Христовой — хотя и противоположной по смыслу. Кириллов — обезьяна искупления» [Жирар: 311]. То есть логика самоубийства Кириллова обнаруживается в гордыне, вызванной подражанием «медиатору», которым в данном случае выступает Христос. Мы полагаем, что связь между героем и его гимнастическими занятиями также прослеживается в мимесисе.

Итак, оппозиция, характерная для гимнаста-Левина, в гимнасте-Кириллове иллюзорна, а потому тело не способно выступить в качестве противовеса, позволяющего свернуть с пути самоубийства. Его «доведенный до иступления разум» [Достоевский; т. 10: 215] оказывается в полной власти над телом. Любопытно, что наши рассуждения вполне перекликаются со спецификой мимесиса в произведениях Толстого и Достоевского. Особенности описания телесности, заключающиеся

в раскрытии «наиболее тонких элементов человеческой пластики, физиогномики», «заставляют» толстовский язык, как отмечает В. А. Подорога, «служить реальному». Иначе у Достоевского, который своим «подслеповатым взглядом» «не видит, а *слушает*»: «За языком, описывающим реальное, нет еще, собственно, ни тела, ни души, одна иллюзия, что перед нами действительно человеческая плоть, до которой можно дотронуться» [Подорога: 442, 443]. Тело гимнаста в «Анне Карениной» возвращает к порядку жизни. Гимнастика в «Бесах» лишь создает иллюзию, поэтому невольно возникает вопрос: действительно ли тело Кириллова — это тело гимнаста?

Тело встраивается в его «большую идею» не только благодаря планируемому акту самоубийства. С его точки зрения, после победы над болью и страхом мир и человек *физически* преобразятся:

«Будет Богом человек и переменится физически. И мир переменится, и дела переменятся, и мысли и все чувства. Как вы думаете, переменится тогда человек физически?» [Достоевский; т. 10: 102].

Здесь логика совершенно противная логике гимнастической механики, где каждое движение призвано довести до совершенства исходное строение человеческого тела, а не произвести метаморфозу. Причем возможность метаморфозы коренится не внутри тела, а в самой идее. Соответственно, если в случае с Левиным упорядоченному телу противопоставляются речевые нарушения, то в случае с Кирилловым и тело, и речь испытывают влияние придавившей его идеи.

Напомним, мяч, предназначенный для «укрепления спины», был куплен, по словам самого Кириллова, в Гамбурге. Примечательна здесь именно привязка места покупки к назначению предмета⁴. Кириллов приобрел мяч примерно в тот же период, когда Ставрогин «утверждал в нем ложь и клевету», а в сердце Шатова «насаждал Бога и родину» [Достоевский; т. 10: 215].

⁴ Немецкая школа играет большую роль в «новом проекте» гимнастики. Ее основателями считаются Г. У. А. Фит, И. К. Ф. Гутс-Мутс и Ф. Л. Ян. Нужно отметить, что немецкая гимнастика не была однородным явлением, хотя в ней заметен педагогический уклон. В частности, подход Яна был основан на взаимосвязи между физическими упражнениями и воспитанием патриотизма (турнерство).

Необходимость «укреплять спину» скорее семантически связана с характеристикой, данной хроникером Шатову, но также относящейся и к Кириллову:

«Это было одно из тех идеальных русских существ, которых вдруг *поразит* какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно *придавит их собою*, иногда даже навеки. Справиться с нею они никогда не в силах, а уверуют страстно, и вот *вся жизнь их проходит* потом как бы в последних корчах *под свалившимся на них и наполовину совсем уже раздавившим их камнем*» (курсив наш. — М. В.) [Достоевский; т. 10: 27–28].

«Придавленное» состояние героя-гимнаста прослеживается в речевых нарушениях, но также и в физических упражнениях: тело не сопротивляется идее, а подражает ей в гордыне. Красноречиво первое впечатление хроникера, в котором подчеркивается не только рассеянность Кириллова, но одновременно его телосложение:

«Это был еще молодой человек, лет около двадцати семи, прилично одетый, *стройный и сухощавый брюнет*, с бледным, несколько грязноватого оттенка лицом и с черными глазами без блеску» (курсив наш. — М. В.) [Достоевский; т. 10: 80].

«Укрепление спины» необходимо герою в силу специфики его «человекобожия», о которой, в частности, писал Жирар.

Кроме того, упражнения Кириллова с мячом можно интерпретировать как проецирование роли Бога. В «Бесах» неоднократно употребляется слово *планета*, синонимом которого часто выступает (*земной*) *шар*. Так, например, Верховенский угрожает Кириллову:

«...я вас *на другом конце шара*... повешу как муху... раздавлю... понимаете!» (курсив наш. — М. В.) [Достоевский; т. 10: 478].

Или Лизавета Николаевна восхищенно говорит о Маврикии Николаевиче:

«Это самый лучший и самый верный человек *на всем земном шаре*, и вы его непременно должны полюбить, как меня!» (курсив наш. — М. В.) [Достоевский; т. 10: 94].

А в черновых записях к роману встречается такой ряд синонимов:

«Но мы не только живую силою поймем наконец (как понимали наконец, т. е. непосредственно живьем, но и умом), мы разрушим путы Европы, облепившие нас, и они рассыплются как паутина, и мы догадаемся наконец все сознательно, что никогда еще *мир, земной шар, земля* — не видали такой громадной идеи, которая идет теперь от нас, с Востока, на смену Европейских масс, чтоб возродить мир» (курсив наш. — М. В.) [Достоевский; т. 11: 308–309].

И когда Кириллов говорит: «Стало быть, самые законы планеты ложь и диаволов водевиль» [Достоевский; т. 10: 526], — то имеет ввиду вполне определенную геометрическую форму. «Заявить своеволие», стать Богом — значит в буквальном смысле взять земной шар, стоящий на лжи, в свои руки. Это возможно так же, как в его представлениях возможно физическое изменение человека. Гимнаст-Кириллов грезит об обновлении мира. Именно в своем самоубийстве он видит отправную точку этого «переворота». И гимнастический мяч, которым он упражняется, ассоциативно соотносится с Землей. «Человекобожие» Кириллова — это новый этап жизни планеты, который он вот-вот готов начать своими руками. Таким образом, противоречие между идеей Кириллова и его гимнастическими упражнениями наблюдается только извне, тогда как изнутри идея «продолжается» в теле.

Заметим, что «новый проект» гимнастики, сформировавшийся в XIX в., имел в себе все основания как для одной, так и для другой модели героя-гимнаста. С одной стороны, она преподносилась многими преподавателями, врачами и авторами пособий как новая панацея от всевозможных телесных и душевных недугов и встраивалась в один ряд с такими практиками, как магнетизм или гомеопатия. Потому в романе Достоевского гимнастика подстраивается под «человекобожие» Кириллова. С другой стороны, в ней есть внимание к механике тела, пристальный анализ движения, основанный на изучении физиологии и анатомии мышц. Именно гимнастическая механика оказывается близка толстовской «логике порядка».

Толстой и Достоевский по-разному воспринимают и воплощают в своих текстах специфику современной им гимнастики.

Расхождения в построении моделей героев-гимнастов указывают на некоторые антитетические особенности художественной антропологии писателей. В толстовском тексте телесный порядок противопоставляется хаосу речи. Работа мускулов в гимнастических упражнениях или в труде позволяет Левину бороться с мучительными размышлениями о смерти. Благодаря движению восстанавливается структура жизни. В романе Достоевского остается иллюзия оппозиции тела и речи, но при этом само тело функционирует совершенно иначе. Кириллову, по сути, чужда идея поддержания здоровья: он не заботится о гармоничном развитии всех мышц, а только «укрепляет спину» и грезит о чуждой гимнастической теории физической метаморфозе человека. Его гимнастика не связана с реальной потребностью тела в движении. В то же время Кириллов не осознает того противоречия между мыслями о самоубийстве и гимнастикой, на которое указывают Ставрогин и Верховенский. Странное, на первый взгляд, увлечение героя стоит рассматривать во взаимосвязи с его «большой идеей». Это позволяет проследить семантические корреляции между гимнастическими упражнениями и гордыней героя, вознамерившегося занять место Бога.

Список литературы

1. Вигарелло Ж., Холт Р. Работа над телом. Гимнасты и спортсмены в XIX веке / пер. с фр. О. Аверьянова // История тела: в 3 т. М.: Новое литературное обозрение, 2018. Т. 2. С. 262–318.
2. Волвенкин М. Н. Два взгляда на гимнастику: Лев Толстой и Николай Чернышевский // Культура и текст. 2025. № 1 (60). С. 124–136 [Электронный ресурс]. URL: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2025/03/124-136.pdf> (30.08.2025). DOI: 10.37386/2305-4077-2025-1-124-136. EDN: EGYUDU
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2013–2022-. Т. 1–11.
4. Жижек С. Чума фантазий / пер. с англ. Е. С. Смирновой. Харьков: Гуманитарный центр, 2012. 388 с.
5. Жирар Р. Ложь романтизма и правда романа / пер. с фр. А. Зыгмонта. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с. (Сер.: Studia Religiosa.)
6. Подорога В. А. Мимесис: материалы по аналитической антропологии литературы: в 2 т. М.: Культурная революция, Логос, Logos-altera, 2006. Т. 1: Н. Гоголь, Ф. Достоевский. 688 с.

7. Сливичкая О. В. «Истина в движении»: о человеке в мире Л. Толстого. СПб.: Амфора, 2009. 443 с.
8. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1928–1958.
9. Эйхенбаум Б. М. Молодой Толстой. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. 192 с. (Сер.: «Как быть писателем?», Библиотека «Формального метода».)

References

1. Vigarello G., Holt R. Working on the Body. Gymnasts and Athletes of the 19th Century. In: *Istoriya tela: v 3 tomakh* [History of the Body: in 3 Vols]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018, vol. 2, pp. 262–318. (In Russ.)
2. Volvenkin M. N. Two Views on Gymnastics: Leo Tolstoy and Nikolai Chernyshevsky. In: *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2025, no. 1 (60), pp. 124–136. Available at: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2025/03/124-136.pdf> (accessed on August 30, 2025). DOI: 10.37386/2305-4077-2025-1-124-136. EDN: EGYUDU (In Russ.)
3. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 35 Vols]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–2022, vol. 1–11 (the publication continues) (In Russ.)
4. Žižek S. *Chuma fantaziy* [The Plague of Fantasies]. Kharkiv, Gumanitarnyy tsentr Publ., 2012. 388 p. (In Russ.)
5. Girard R. *Lozh' romantizma i pravda romana* [The Lie of Romanticism and the Truth of the Novel]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 352 p. (Ser.: Studia Religiosa.) (In Russ.)
6. Podoroga V. A. *Mimesis: materialy po analiticheskoy antropologii literatury: v 2 tomakh* [Mimesis: Materials on the Analytical Anthropology of Literature: in 2 Vols]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., Logos Publ., Logos-Alterra Publ., 2006, vol. 1. 688 p. (In Russ.)
7. Slivitskaya O. V. «Istina v dvizhen'i»: o cheloveke v mire L. Tolstogo [“Truth in Motion”: About Man in the World of L. Tolstoy]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2009. 443 p. (In Russ.)
8. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 tomakh* [The Complete Works: in 90 Vols]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1928–1958. (In Russ.)
9. Eykhenbaum B. M. *Molodoy Tolstoy* [Young Tolstoy]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyy uchyonyy Publ., 2019. 192 p. (Ser.: “How to Be a Writer?”, Library of the “Formal Method”.) (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Волвенкин Михаил Николаевич, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы, Воронежский государственный университет (Университетская площадь, 1, г. Воронеж, Российская Федерация, 394018); старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова (ул. Тимирязева, 8, г. Воронеж, Российская Федерация, 394087); ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0793-0787>; e-mail: mvolvenkin@mail.ru.

Mikhail N. Volvenkin, PhD (Philology), Lecturer of the Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature, Voronezh State University (Universitetskaya ploshchad' 1, Voronezh, 394018, Russian Federation); Senior Lecturer of the Department of Social Sciences and Humanities, Voronezh State University of Forestry and Technologies Named After G. F. Morozov (ul. Timiryazeva 8, Voronezh, 394087, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0793-0787>; e-mail: mvolvenkin@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 02.09.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 30.10.2025

Принята к публикации / Accepted 01.11.2025

Дата публикации / Date of publication 24.11.2025